

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ОДНАЖДЫ судьба корреспондента забросила меня к геологам. Ночью у походного костра (лучшее место для откровенных бесед!), когда переговаривали уже о многом, ребята затаили песню. Все подхватили. Пели, конечно, «Геологов», и «Песню о тревожной молодости», и «Девчат хороших». Кто-то, схватив сухую ветку, принялся дирижировать. Это было не бог весть какое пение, но все мы вдруг почувствовали себя давниш-

но для нас. И ребята ожив. Где-то отыскали веток. Развели костер. Чай кипятили на дыму. Нашлись даже остатки варенья. Наполнив кипятком температурившую, укутали в мешок. И целый вечер мурлыкали потихоньку мотив новой песни. Когда дело доходило до припева, подхватывали хором. Громко, так, чтобы слышали «расплакавшиеся» небеса.

— Чем же все кончилось? — спросил я у «дирижера».

Так как же рождаются песни? Александра Николаевна на секунду растерялась: вопрос в простой, и сложный. Ответить, что их подсказывает жизнь, — это ведь общие слова.

— Наверно, надо сказать, что история каждой песни — это поездки в дальние и ближние края, встречи, раздумья, — приходит на помощь Пахмутовой поэт Николай Добронравов, ее муж.

В ГОСТЯХ У АЛЕКСАНДРЫ ПАХМУТОВОЙ

ними и близкими друзьями. Нас породнила песня? Наверно, не мне одному пришла в голову эта мысль, потому что «дирижер» отбросил свою ветку:

— Слушайте!

И рассказал:

— Помню, услышали мы впервые «Геологов» по транзистору далеко от людского жилья. Отскикивались в палатке — переживали трехдневный дождь. Консервы кончились. Хлеб тоже. Затушили ребята. А девчонки — те вообще носы повесили. Одна совсем раскисла. Затемпературила. А до ближайшей деревни километров 90 по солончаку. И вдруг в потрескивавшем эфире послышалась песня. Все потянулось к спальному мешку, где хранился транзисторный приемник. «В палатке вроде стало уютнее. И теплее», — это сказала та, которая затемпературила...

В тот вечер мы только и запомнили, что припев:

Держись, геолог!
Крепись, геолог!
Ты — ветра и солнца брат!

Он был написан будто специально

— Ночью к нам пробился вертолет. Те, кто хотел, могли улететь в город. На неделю. Начальство разрешило — из-за погоды. Вертолет ушел порожняком. А мы до конца работ пели — напевали мотив полюбившейся песни про геологов.

— А как же больная?

— Утром она была на ногах и потом еще долго вспоминала тот «лечебный» чай с вареньем. А варенья-то было пол-ложки.

Я вспомнил этот случай, когда, в который уж раз, пытался дозвониться до Александры Николаевны Пахмутовой. Оказывается, отыскать ее, даже имея домашний телефон, совсем не просто. Встречи в студенческих общежитиях и заводских цехах, поездки к молодежи в разные концы страны, выступления с концертами на радио и по телевидению отнимают у композитора большую часть времени.

— Отнимают? — переспросила меня Александра Пахмутова, когда наша встреча все же состоялась. — Наоборот, дают хороший заряд для работы...

Жена согласно кивает головой. Ну, вот эта, например:

Вспомним беды и победы,
Вспомним в песне все, как было встарь.
Самый верный, самый лучший
мой товарищ —
Комсомольский секретарь!

— Комсомольский секретарь имеет имя и конкретный адрес: Иван Скрипников, комсорг строительства Братской ГЭС. Мы совершили поездку по Сибири. Почти каждая встреча со строителями рождала новую тему, новую мелодию будущего произведения. В Братске познакомилась с Иваном Скрипниковым. Несколько дней провели вместе. Мы восхищались им. Мы завидовали ему, так влюблен был Иван в свою стройку, так легко находил дорогу к любому человеку, так чутко слушал тайгу. Мы полюбили его. И решили написать песню. Она получила название «Товарищу комсоргу».

Пахмутова на минуту умолкает. Разговор о своей профессии — всегда интересный для нее разговор.

— В большинстве случаев песня рождается, когда готовы стихи. Иногда приходится потом «сблизжать» их с музыкой. Так случилось с «Песней о тревожной молодости». Ноты были написаны раньше, чем Лев Ошанин ознакомил меня со своими стихами. И хотя родились они «на разных улицах», встретившись — подружились. Правда, для этого поэту пришлось кое-что переделать. Не без споров, конечно...

Говорим о работе композитора в кино.

— Это далеко не такой простой труд, как может показаться, — рассказывает Александра Николаевна. — Рамки метража, режиссерский замысел, мнения сценаристов — со всем этим нельзя не считаться.

— И все же кинозрители хорошо запомнили фильмы, музыку к которым писали вы. Особенно «Девчата».

— Кажется, это одна из тех песен, которые родились сразу. Села за рояль, и... — с улыбкой замечает Пахмутова.

— Новые работы для кино?

— Написала музыку к фильму Григория Чухрая «Жили-были старик со старухой».

— А новые песни?

— Будут и они. Недавно вместе с Николаем Добронравовым мы побывали в гостях у танкистов, у пограничников. Впечатления этой поездки и послужат основой цикла новых песен о советских солдатах.

Ну, а Ленинград? Конечно, москвичка Александра Пахмутова не раз бывала у нас в гостях.

— Говорить о красоте Ленинграда — значит повторяться, — утверждает она. — Город не нуждается в комплиментах. И все же... Летом я впервые в жизни увидела, как разводятся ленинградские мосты. Впечатление необыкновенное. Его почти невозможно передать словами.

— Может быть, лучше всего сказать об этом песней?

Пахмутова смеется:

— Все может быть. Хотя вряд ли найдется второй такой город, о котором написано столько хороших песен.

Александра Николаевна без труда называет добрый десяток мелодий, ставших своеобразными «визитными карточками» Ленинграда, по которым его узнают даже те, кто никогда не приезжал сюда.

— А с одной из таких песен, — продолжает Александра Николаевна, — у меня связаны интересные воспоминания. Было это во время войны. К нам, учащимся Центральной школы при Московской консерватории, приехал в гости Василий Павлович Соловьев-Седой. Помню, как сейчас: мы пели «Прошай, любимый город». Дирижировал автор. Этот день запомнился мне на всю жизнь: тогда я впервые увидела Ленинград. Мне показала его песня...

Разговор прерывает звонок в дверь. По веселому оживлению хо-

зяев квартиры легко догадаться: прибыли желанные гости. В комнату вваливаются улыбающиеся, раскрасневшиеся с мороза ребята.

— С Усть-Илhma, — объясняют мне.

То и дело слышатся вопросы:

— А помните, тогда на Ангаре?..

Стронтелы из Сибири, будучи в Москве проездом, решили повидаться со своим любимым композитором. Из разговора выясняется, что не проходит месяца, чтобы у Пахмутовой не побывали друзья с далекой стройки. Самый молодой из приехавших, видимо, впервые видит Александру Николаевну. Не скрывая любопытства, по-мальчишески внимательно следит он за каждым ее шагом. «Вот, оказывается, какая она, Александра Пахмутова», — читается в глазах паренька. Скромная, по-девичьи застенчивая. Радужная. Веселая. Строгая (разговор зашел о чинушах, мешающих молодым идти вперед).

Ребята, посидев с часок, прощаются. Самый молодой, набравшись храбрости, протягивает Александру Николаевну руку и, запинаясь от волнения, говорит:

— Приезжайте к нам почаще.

Ваши песни нужны нам, как воздух. И...

Он запнулся, смутился еще больше и, не найдя слов, бросился вниз по лестнице догонять успешных вперед товарищей.

А Я ДУМАЮ о его словах:

«Ваши песни нужны нам, как воздух». Это значит: они согревают, когда догорают костры. Это значит: они показывают дорогу тем, кто выходит в жизнь. Это значит: они помогают работать, строить, петь... Как друзья они появляются там, где всего труднее. Вот почему молодежь 60-х годов называет Александру Пахмутову своим композитором. Вот почему ЦК ВЛКСМ выдвинул ее песни на соискание Ленинской премии.

В. ЗАСЕЕВ